

A man and a woman in historical attire stand on a rocky shore at sunset. The woman, on the left, has light-colored hair styled in a bun and wears a dark green velvet dress with white floral embroidery and a large circular medallion on a red cord. The man, on the right, has blonde hair and wears a dark double-breasted coat over a white shirt and black bow tie. He holds a brown book and a cane. The background features a dramatic sunset sky with orange and yellow clouds over the ocean and white cliffs.

Дара Стерлинг Сквозь Строки

18+

Дара Стерлинг

Сквозь строки

<https://litres.ru/74485667>

SelfPub; 2026

Аннотация

София Вольская живёт среди книг. Её мир тих и предсказуем, пока на складе букиниста она не находит потёртый кожаный дневник 1847 года. Его автор — Николас фон Эренберг, наследник могущественного портового рода, чья семья обречена на гибель через несколько месяцев.

Сначала Софи видит его только во снах. Потом — оставляет отпечаток ладони на стекле его кабинета. А затем время делает шаг навстречу: она оказывается в 1847 году, в эпицентре политического заговора, где каждое решение может стоить жизни.

Чтобы спасти Эренбергов от клеветы, яда и пуль, Софи приходится стать не просто свидетельницей, а соучастницей опасных игр. Рядом с ней — Николас, рационалист, вынужденный поверить в невозможное. Между ними нет мгновенной страсти, только тихое доверие, общие тайны и слова, сказанные шёпотом у камина.

Но время не прощает ошибок, а враги не спят.

Сможет ли девушка из будущего переписать историю, не стерев себя из неё? И что дороже: долг перед чужой эпохой или шанс остаться в ней навсегда?

Содержание

Пролог. Или письмо к моему читателю.	4
Глава 1. Находка.	6
Глава 2. Сон наяву.	14
Глава 3. Эхо.	20
Глава 4. Светокамень.	27
Глава 5. Шаг сквозь время.	35
Гла	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дара Стерлинг

Сквозь строки

Пролог. Или письмо к моему читателю.

Здравствуй, дорогой моему сердцу, читатель. Это первая моя книга. И начало ее мне приснилось лет десять назад. Недавно я поняла, что писать картины с помощью слов, мне нравится так же сильно, как и на бумаге, с помощью кисти и акварели. И я наконец решилась закончить эту, рожденную в царстве Морфея. историю. Я хочу дать своему сну, который так меня взволновал, право голоса. И сон этот рассказывал мне о течении времени.

Время неумолимо. Оно всегда здесь: крутит свои жернова, стирает в порошок всё и вся и расставляет всё и вся по местам. Мы, люди, редко замечаем его течение. Так часто не ценим ни секунды, ни минуты, ни часы, ни даже целые дни своей жизни... Мы боимся смерти, но не ведаем, что следует бояться времени. Ведь смерть — лишь знак того, что отпущенный нам срок истёк. И нет предательства собственного «я» сильнее, чем бездумная трата времени на пустое.

Мы не ценим простых чудес: заката, объятия, тихого доб-

рого слова. Не ценим мгновений, проведённых наедине с собой за чашкой чая. Не ценим дарованной нам возможности — в каждую секунду чувствовать любовь. Мы растрачиваем его на то, что не несёт пользы этому миру и ничего не меняет в подвластном нам пространстве.

Мы редко задумываемся: почему время распределено так несправедливо? Не поровну, и уж точно не по заслугам. Почему достойные проживают лишь краткий миг, а те, чья суть исполнена зла, живут долго и наслаждаются каждым днём? Почему души детей приходят на свет лишь на мгновение, чтобы уйти, так и не успев осознать этот дар? А другим даровано так много времени — но они с неблагодарностью отвергают его.

Время — будь то механизм вселенских часов или незримый распределитель судеб — неподвластно никому, кроме Того, кто его создал. Мы не властны ни над прошлым — оно уже ушло, ни над будущим — оно ещё не настало. Нам дано лишь одно: миг «здесь и сейчас». Только им мы можем управлять.

Так пусть же каждый этот миг будет прожит осознанно и радостно. Пусть наш выбор станет актом созидания: тем, что расцветёт в памяти прошлого, рождается в силе настоящего и светит путеводной звездой в грядущем. И пусть Провидение порой мягко вмешивается в течение наших дней, направляя нас в верное русло.

Глава 1. Находка.

Эд позвонил мне со склада в конце прошлой недели и сообщил, что пришли регулярные издания и новинки мировой литературы, которые я заказывала. Просил не тянуть и захватить не позднее вторника, потому что у него будет, видите ли, проверка, и он «не хотел возиться с оформлением и упаковкой моих восьми коробок макулатуры». Тысячу лет зная Эдика и его ворчание по поводу и без, я решила не откладывать поездку. Оставив книжный в понедельник во второй половине дня на Эмму Николаевну, мою пожилую продавщицу, я отправилась на своём бирюзовом пузатом фургончике в путь, загрузив перед этим всё необходимое: рулон плотного полиэтилена, страховочные ремни и документы с номерами заказов.

Мой фургончик имел вид непутёвый и немного неуклюжий, но служил мне верой и правдой уже четвёртый год. Я на практике знала, каким он был неожиданно шустрым и чутким при управлении. Я выехала чуть позднее пяти вечера, чтобы засветло добраться до склада и вернуться к закрытию, где Том, наш дворник, помог бы выгрузить коробки в наше единственное, не сильно просторное хозяйственное помещение, совмещённое с моим кабинетом.

Назвать кабинетом эти ряды коробок и стройных книжных башенок можно было бы с большой натяжкой. Лишь

потому, что тут стоял мой рабочий стол, предназначение которого было служить мне в часы заполнения всевозможных бланков, квитанций и книг бухгалтерского учёта. Столик был антикварным, вместительным и в то же время изящным; он занимал почётное место в углу, упираясь левым краем в картотеку, где я хранила актуальные документы. А справа его подпирал большой серый уродливый стеллаж с долгосрочной документацией в тяжёлых стандартных папках. Центральное место на столе занимал аккуратный монитор — удачное приобретение прошлого года, которое принесло Эмме Николаевне лёгкие приступы паники, а мне значительно облегчило приёмку и обработку данных. Мы даже завели базу всей нашей книжной братии в алфавитном порядке и с удовольствием распрощались с бумажной картотекой, занимавшей целых два стеллажа.

В течение двух следующих месяцев программист-наёмник делал нам сайт, сопряжённый с базой. Благодаря ему мы смогли получать заказы через интернет. Вложение окупилось в трёхкратном размере в первый же месяц, позволив нанять посыльным вежливого студента Витю. Он доставлял заказы три раза в неделю по городу и пригороду, а также на почту для междугородних отправок. Ещё была худощавая и быстрая, будто ни на секунду не замиравшая, Галочка. Ей было уже за сорок, но она всё ещё не была замужем и приходила прибираться раз в день в восемь вечера, когда её пожилая матушка уже ложилась почивать, обложенная, для

надёжности, с трёх сторон сиамскими кошками.

Таким образом, в моём книжном магазинчике насчитывалось, помимо меня, ещё четыре человека. И кроме, может быть, чуть более активной и заинтересованной в чужих жизнях Эммы Николаевны, мы все были людьми спокойными, хорошо знали свои чётко отработанные обязанности. Даже фразы из нашего повседневного обихода были будто записаны на старую пластинку, которая проигрывала их по кругу. Вот и сейчас, следуя знакомому маршруту к окраине города, я не беспокоилась о том, что в моё отсутствие может произойти что-либо неординарное в моём уютном мирке под гордым названием «Феникс».

Я ехала, погружённая в мысли «ни о чём и обо всём сразу», слушая песню Стинга на приглушённом радио. Одной рукой держала руль, а другой перебирала пальцами медальон на шее. Сколько себя помню, он всегда висел у меня на потёртом кожаном шнурке. Семейное наследие. Подарок бабушки на первый день рождения после смерти моих родителей.

Я провела большим пальцем по волне и дубовой ветви. Металл отозвался теплом, будто оживая при прикосновении. Камень в центре чуть дрогнул, отдав лёгкую вибрацию в ключицу. Я привыкла списывать эти странные проявления на то, что он был для меня почти живым существом, чтобы не оценивать его просто как вещь. Но сегодня дрожь задержалась дольше обычного. Медальон был будто неотъемлемой

частью меня самой. Тускло-серебряный, тяжёлый, идеально круглый, размером с большой палец. Без застёжки, без щели, без единого намёка на то, что его можно открыть. Дедушка называл его «якорем памяти». Говорил: «В нём спрятано то, что ещё не пришло время узнать». И я никогда не пыталась. Просто в минуты задумчивости или волнения гладила узор на поверхности и крошечный инкрустированный камень цвета грозового неба.

Я добралась на удивление быстро, менее чем за полчаса. Оформив бумаги у помощника Эда и проверив по списку наличие нужного количества книг, я оставила прыткого девятнадцатилетнего упаковщика делать его работу, а сама, по привычке, отправилась в заветную часть владений Эдуарда Филипповича — в закуток с подержанными, забытыми, старыми, редкими и не очень книгами. Закуток имел каплевидную форму, обрамлённую стеллажами, и завершался вечно открытой дверью в кабинет Эда. Эд, несмотря на почтенный возраст, терпеть не мог, когда к нему обращались с приставкой «мистер» и тем более комбинировали её с фамилией, ожесточённо настаивая на упрощённом обращении. Сейчас он сидел за столом, изучая бумаги и недовольно морща и без того морщинистый лоб. Все, кто знал его долго, могли бы сказать, что недовольство было его вечной спутницей, и уже не обращали на это внимания.

Завидев меня, пожилой книжный мафиози помахал рукой, широким жестом предложил осмотреться и, указав на

отдельно стоящий ящик с новым потёртым поступлением, продолжил копаться в бумагах.

Старина Эд знал, что мне нужно. Именно здесь я находила те прекрасные, милые моему сердцу книги, составляющие мою личную библиотеку в гостинной. Для меня эти потёртые, подержанные фолианты со своей историей были главным сокровищем. Джейн Остин и Бронте, Пушкин и Жюль Верн, Куксон и Роулинг, Гейман и Спаркс, Экзюпери и Андерсен, Шекспир и Данте, Дюма и Грин, Льюис Кэрролл и Клайв Стейплз Льюис, Толкин и Стивенсон — они занимали свои места на полках и почётные места в моём сердце. Каждый оставил отпечаток, и со временем эти отпечатки становились лишь глубже. И сейчас я заглядывала в коробку с такой же надеждой на чудо, с какой дети заглядывают в рождественский носок.

В ящике был беспорядок: стопки аккуратно сложенных книг чередовались с кучами перемешанных корешков. Кто-то уже порылся здесь до меня. Скорее всего, помощники местных завсегдатаев антикварных лавок. Я их не очень любила: в большинстве своём они походили на стервятников, относящихся к книге лишь как к способу урвать наживу. Но здесь иногда попадались ценные экземпляры. Конечно, откровенно дорогие вещицы Эд хранил в сейфе, но и тут можно было найти редкость. Вот и сегодня я обнаружила очаровательный экземпляр «Снежной королевы» Андерсена с иллюстрациями на весь разворот. Книга была почти без дефек-

тов, с чуть надорванным корешком, но такой урон я могла залечить за час.

При виде неизведанного изобилия меня всегда охватывал трепетный азарт. Попутно раскладывая книги в аккуратные стопки, я осматривала фолиант за фолиантом, пока рука не наткнулась на приятный бархатный толстый корешок. Когда ладонь легла на потёртый переплёт, металл медальона на груди неожиданно стал горячим, почти обжигающим. Будто, не имея голоса, хотел мне что-то сказать. Я не заострила на этом внимания, привыкшая к его температурным странностям. Списала этот предупреждающий отклик на счёт увлечённости, вытаскивая находку.

Я выудила книгу из-под других и обнаружила коричневый кожаный переплёт без опознавательных знаков, кроме витиеватой потёртой буквы «Н» в уголке и почти стёртого золотого узора, непостижимо похожего на узор на моём медальоне. Будто они вышли из-под кисти одного художника. Инициал почти утратил покрытие, но ощущался отчётливо под подушечками пальцев. Заглянув за обложку, я увидела на пожелтевшем форзаце в центре лишь год, написанный от руки, а в уголке — имя: **Николасфон Эренберг**. Пролистав страницы вглубь, я поняла по датам и ровным рукописным строчкам, плотно заполняющим листы, что это дневник.

Я заворожённо смотрела на стройные мысли двухсотлетней давности, и интерес разгорался. Я знала, что утолить его удастся лишь поздно вечером, после разгрузки и каталогиза-

ции. Дневник был заполнен почти до конца. Я отложила его с трепетным чувством в пару к «Снежной королеве». Пока раскладывала оставшуюся кипу, стараясь не пропустить ничего интересного, не заметила, как подошёл Эд, и вздрогнула, когда он заговорил своим шершавым голосом:

— Софи, милая, если ты продолжишь оставлять после себя такой порядок в этих завалах, мне придётся доплачивать тебе как уборщице. А я не готов сейчас нести дополнительные траты даже для старых знакомых.

— Эд... ты напугал меня! — Я не люблю, когда книги лежат в беспорядке, ты же знаешь... К тому же, — улыбнулась я, — я делаю это с выгодой для себя и почти неосознанно, пока ищу что-нибудь интересное. Так что можешь не оплачивать ставку, а просто сделать скидку. — Я жестом указала на две книги на краю ящика.

Эд усмехнулся и кивнул. Ему доставляли удовольствие такие перепалки, и он старался не упустить шанс позабавиться.

— Ну-ка посмотрим. — Он взял книжечки. — Андерсен, «Снежная королева»... недурный выбор. Перепала от старой соседки. Отдам за пятьсот. А это что? Дневник? Скорее всего, попал с частью уцелевшей частной библиотеки. Я недавно выкупил остатки на аукционе. Этот экземпляр получай бесплатно! Всё равно, кроме тебя, на него вряд ли кто обратит внимание.

— София Сергеевна, — упаковщик шёл по проходу, — ваш заказ погружён.

— Эдик, это накладные Софьи Сергеевны. — Эд подхватил бланки, резко повернулся к столу, а я последовала за ним. Подписав бумаги, мы распрощались.

Проверив надёжность крепежа, я забралась в фургончик и отправилась в обратный путь. Добралась без происшествий. К восьми вечера, к приходу Галочки, вся работа по разгрузке была закончена.

Я поднялась к себе, чтобы принять горячий душ и приготовить ужин. Сегодня это был омлет с сыром и тушёная овощная смесь. Управившись за полчаса, я заварила какао, мгновенно наполнив кухню сладким ароматом шоколада, и, захватив его с тарелкой апельсинового печенья, наконец позволила себе вытащить из сумки манящий весь обратный путь дневник.

Он лежал на коленях поверх одеяла, тёмный и тяжёлый, будто впитавший в себя два века безмолвия. Я провела пальцем по кожаному, истёртому корешку. Медальон у ключицы отозвался на моё прикосновение к чужим откровениям тёплым толчком. Прямо за окном погас уличный фонарь.

Я открыла первую страницу.

Глава 2. Сон наяву.

Иногда мои сны начинались с медальона. Он раскачивался маятником перед чуть прикрытыми глазами, камень в центре узора начинал тихо вибрировать, отсылая в затылок лёгкий жар, будто гипнотизируя меня. Сны в те ночи приходили не сами — они просачивались сквозь серебро, как чернила сквозь бумагу. Я думала, что это воображение и медальон был мостом в мир моих сновидений, всегда особенно ярких. А иногда, после сна, его серебряная поверхность казался мне горячее, чем должна была быть..

Вот и сейчас, в момент когда грань между сном и бодрствованием обычно стирается, я поняла что вижу свой медальон во всех мельчайших подробностях прямо перед своим мысленным взором, мои веки отяжелели и смежились. Я погрузилась в сон.

Вселенная Морфея поглотила меня мягко, и реальность слилась с миром сновидений настолько незаметно, что я сразу и не поняла. Мои сны всегда были яркими, полными ощущений, запахов, вкусов.

В этот раз я летела сквозь невесомые рваные ленты тумана над сине-зелёным полотном хвойного леса с редкими проплешинами болота или ягодника. Мои волосы и кожа были влажными, а одежда прохладной и липла к телу. Я была, почему-то, в длинном пышном платье, и мои нижние юбки при

полёте в потоках ветра издавали тихий звук, подобный шуршанию и хлопанию птичьих перьев. Капюшон плаща, отделанного бархатом и мехом, спал с моей головы и теперь, поймав в себя ветер и выбившиеся из высокой причёски пряди моих волос, точно маленький парус, немножко давил мне на шею серебряной пряжкой, а алые с охрой полы плаща расправились по ветру и трепетали в его порывах, становясь похожими на крылья полыхающей огнём огромной птицы.

Я часто летала во сне, но этот сон был особенным. Из тех, что на долгие годы остаются в памяти, даже если больше никогда не приснятся. Влажный запах хвои заполнял, с каждым новым вдохом, мои лёгкие всё больше и больше, и лететь становилось всё легче. Будто нить, соединяющая меня законами физики с землёй, истончалась и скоро исчезнет совсем. Но мне не было страшно. Напротив — я ждала этого мгновения. Как момента полного освобождения моей силы и воли.

Между тем сине-зелёный ковёр леса сменился на нежно-зелёные полотна полей с бордовыми островами кустарников. Над полями ветер окреп, и я продела руки в прорези плаща, чтобы закрепиться в нём и немного согреться. Внизу появилось серое русло дороги с впадающими мелкими золотистыми ручейками тропок. Туман рассеялся окончательно в порывах набравшего силу на равнинах ветра, и теперь солнечные лучи потоками омывали меня и всё вокруг, заставляя жмуриться и считать островки тени от редких пролета-

ющих выше зефирных облаков.

Чем дальше я летела вдоль дороги, тем чаще мне стали попадаться небольшие аккуратные светлые домики в окружении стайки хозяйственных построек и коричневых каменных изгородей. После очередного поворота, дорога, ставшая широкой, разветвлённой и оживлённой, вывела меня к большому холму, и, взлетев над ним, я увидела потрясающий вид на портовый городок, тянущийся далеко вглубь до побережья и вдоль него настолько, насколько хватало линии горизонта.

Город сверкал в солнечных лучах, и даже постоянно извергаемые им дым и копоть не могли приглушить этот алмазный блеск. На фоне длинных и узких изогнутых улиц и также причудливо изгибающихся рядов домов с черепичными крышами и максимальной высотой в пять этажей особенно выделялись из общей картины несколько шпилей и куполов соборов своей высотой и резным кружевом изящества. Воздух наполнился солью и силой моря, её вкусом и запахом. Он омывал меня волнами, и я пропитывалась им. Я почти трепетала от восторга от вида, который мне открылся. Мне показалось, что я видела всё это великолепие и прежде. Будто бы в другом далёком сне из детства или другого времени.

Городок стоял на побережье и огибал заботливыми объятиями берега залива. С одной стороны, у воды он заканчивался множеством больших и малых причалов. И даже отсюда был слышен пчелиный гул голосов, летящий от кораблей

и лодок и не стихающий ни на секунду. С другой стороны над городом возвышалась скала.

Она светилась белым камнем и будто бы тоже летела над городом. На скале обосновался красивый особняк из того же белого сверкающего камня с красной черепичной крышей и узорчатыми башенками. Я видела и изящную изгородь из камня с коваными решётками в виде причудливого переплетения ветвей. Изгородь ограждала край скалы и скорее служила защитой не извне, а от любопытства изнутри, потому как высота с края обрыва до города была больше пятисот метров, на мой взгляд.

Я незаметно для себя стала подниматься выше в моём бреющем полёте и поняла это только тогда, когда порыв не слишком ласкового ветра царапнул меня холодом по лицу. На город внизу уже опускались тихие сиреневые сумерки.

Но я летела всё дальше, чувствуя путеводную нить, которая с прочностью якорной цепи вела меня к цели. Я чувствовала эту связь всем своим существом. Ни разу не испытала неуверенности во время поворота или виража. Я просто знала свой путь. Будто летала таким образом уже тысячу раз. И даже если бы закрыла глаза, то всё равно прибыла бы на место моего назначения. Туда, куда звал меня голос. Туда, где во мне нуждались по непонятной пока для меня самой причине.

Моё сердце болезненно сжалось, когда я увидела окно на третьем этаже особняка. Я в мгновение ока поняла, что это

окно, сверкающее в лучах заходящего солнца, и есть цель моего удивительного путешествия. Я с дрожью осознала, что то, что находится там, в глубине комнаты за этой красивой викторианской рамой, навсегда разделит мою жизнь на «до» и «после». Я одновременно и жаждала быстрее приблизиться и заглянуть в это окно, и до ужаса боялась этого. Моё нетерпение стёрло всё виденное мной ранее: и вышитый гобелен лесов и полей под моими ногами и картину прекрасного сверкающего города на краю залива, и неземной свет скалы, будто парящей в облаках наравне со мной.

Мир сузился и превратился в туннель, ведущий меня к этому заветному окну. Осталось только мянящее меня необъяснимым магическим образом стекло. И вот я достигла цели.

Считая секунды, отдающие пульсом в моих висках, наконец-то приблизилась к стёклам и заглянула в тревожный сумрак комнаты.

Моё зрение отказывалось работать после ослепительного заката. Я шурилась, прижалась ладонями к холодному стеклу, пытаясь пробить полумрак и дать своим глазам возможность адаптироваться..

Вдоль стен от пола до потолка высились стеллажи. Одна стена пустовала — её грел камин, а над ним висел семейный портрет. Массивная дверь с латунной ручкой была закрыта, в замке торчал ключ с ярко-голубой лентой. Напротив камина стоял внушительный письменный гарнитур.

И за столом...

Дыхание остановилось. Сердце метнулось к горлу, как птица, привыкшая к воле. Я не могла вдохнуть.

За столом сидел он. Автор дневника. Николас фон Эренберг.

Бумаги лежали аккуратными стопками на дальнем краю стола и лишь малая часть перед ним — в том самом «почётном беспорядке», который я уже знала по страницам. Он медленно откинулся на спинку резного стула, прикрыл глаза, потирая переносицу.

На краю столешницы лежал дневник. Не потёртый, как у меня, но я узнала его по золотому узору на корешке и ленте закладки.

Резкий крик чайки разорвал тишину. Я вздрогнула. Судорожно выдохнула.

Последнее, что я увидела перед падением в темноту, — острый, пронзительный взгляд бирюзовых глаз из-под светлых кудрей.

И я проснулась. От падения с кровати.

Пол ударил в плечо резко и болезненно. А ледяное стекло ещё жгло ладонь. Где-то за окном, вдалеке, но уже наяву, надрывно крикнула чайка.

Глава 3. Эхо.

Передо мной медленно вырисовывался узор прикроватного коврика и бахромы одеяла, свисающая вниз. Всё моё тело горело от холода, и я всё ещё задыхалась, судорожно пытаясь привести в норму сбившееся дыхание. Вся моя спальня была пропитана запахом моря, соли и прогретого камня. А ладонью я всё ещё чувствовала холод стекла.

Мои очки валялись рядом, как и открытый посередине дневник Николаса. Дрожащими руками я поспешно надела их на нос и наконец обрела какое-то подобие равновесия во вращающемся с дикой скоростью мире. Меня вырвало желчью прямо на коврик с восточным орнаментом. На прикроватной тумбе оглушительно орал будильник. Часы показывали 7:30 утра.

Я поднялась, пошатываясь на непослушных ногах, и побрела в ванную. Включила воду — горячую, почти обжигающую. Подставила ладони под струю. Тёрла их мочалкой, мылом, снова и снова. Но холод не уходил. Он сидел глубоко, под кожей, будто стекло оставило невидимый след, который нельзя смыть. Я посмотрела на своё отражение в запотевшем зеркале. Под глазами — тени. Губы обсохли, будто я и правда пролетела по воздуху сквозь огромное расстояние. И запах... запах моря не покидал меня. Да что там говорить — он и мою комнату не покидал, наполнив её до краёв. И я не

удивилась бы сейчас раздавшемуся из-под кровати или стула пронзительному крику той чайки. Морской запах висел на волосах, на пижаме, на коже.

— Этого не было, — прошептала я своему отражению. — Этого не могло быть.

Но ладонь ныла. Ладонь помнила.

Я спустилась в магазинчик с опозданием в пять минут. Мелкие пуговицы на джемпере никак не поддавались моим в одночасье ставшим неуклюжими пальцам. Эмма Николаевна, удивлённая моей неслыханной задержкой, сначала порывалась шуточно меня отругать, но, разглядев моё посеревшее лицо, суетливо поспешила ставить чайник. И через пятнадцать минут на моём столике у кассы, где я по обычаю сверяла утренние заказы и список дел, уже дымилась паром чашка ароматного горячего сладкого чая. Через полчаса, не выдержав обеспокоенных взглядов своей лучшей и единственной помощницы, я сбегала в укрытие книжных стеллажей, делая вид, что мне срочно нужно проверить, все ли книги стоят на своих местах в надлежащем порядке.

А что я могла ей рассказать? Что чуть не переломала все кости, выпав в реальность из своего слишком уж правдоподобного сна? Или то, что владелец моего дневника вдруг ожил в моём воображении настолько явственно, что я разглядела едва заметные веснушки на его скулах и переносице, выгоревшие на солнце пряди на висках и макушке? Мой мир неумоимо шествовал своим монотонным чередом. Но

я будто попала в ловушку своего сна, и та путеводная нить тянула меня и дёргала обратно. Не так явственно, как во сне, но всё же вполне ощутимо. Даже наш доставщик Витя подметил, что я сегодня «сама не своя» и перепутала адреса двух заказов, что на его взгляд было совсем уж немыслимо. Потому как, сколько бы он сам ни путался в хитросплетениях невзрачных, на одно лицо, книжных посылок, я всегда магическим образом могла ему подсказать, где и какой заказ находится, едва взглянув на серую обёрточную бумагу.

Весь день меня преследовало какое-то болезненное любопытство, смешанное со смутной тревогой. И в какой-то момент я поймала себя на том, что цитирую шёпотом фразу из дневника: «Доверие ломается не ударом, а отдалением». Я замерла. Я уже буквально запомнила это наизусть?

К восьми вечера магазин опустел. Галочка пришла, убралась, ушла. Я осталась одна. Закрыла магазин изнутри, проверила, везде ли выключен свет, и поднялась к себе. Дневник лежал на моём рабочем столе. Тот самый, коричневый, с потёртым корешком и золотой буквой «Н». Я смотрела на него уже час, не в силах открыть.

Что если я сошла с ума? Как может простой сон, который я сама себе придумала, сбросить на меня лавину таких ощущений, которые чуть меня не раздавили? Если это только сон, почему же так ярко я видела его? Казалось, стоит мне закрыть глаза — и вот он, Николас, снова сидит за стеклом окна в своём кабинете. И пиджак, немного небрежно набро-

шенный, висит на стуле по другую сторону стола. Ворот рубашки расстёгнут на две верхние пуговицы, и на шее бьётся жилка. А жилет сверкает местами серебряной нитью в простом, но красивом узоре. Откуда столько деталей? Почему я их помню?

Я протянула руку. Перевернула обложку. Пожелтевший форзац. Имя: Николас фон Эренберг. Год.

Я перелистнула несколько страниц. Аккуратный, немного вычурный почерк, чернила выцвели, но читались отчётливо. Даты... 1847 год. Или 1848? Я не могла точно разобрать. Читала быстро, скользя глазами по строкам. Политические новости, встречи, упоминания о совете, переживания о каких-то переговорах, о «тени, что сгущается над родом, городом и страной», об отце, который был обеспокоен и встревожен мимолётным знакомством.

И вдруг — страница, которую я не помнила. Запись была короче других. Чернила казались темнее, будто он писал в спешке. С большим нажимом. Или в смятении.

14 сентября 1847 года

Сегодня произошло нечто, чему я не нахожу объяснения. И потому записываю, пока память свежа, пока разум не нашёл способ вытеснить это как плод усталости.

Я сидел за столом, третий час изучая письма и документы, приложенные к ним, из столицы. На некоторые требовалось дать срочный ответ. Голова тяжела от дум, а глаза отяжелели от чтения. Свеча догорала, отбрасывая на

стены танцующие тени.

Я прикрыл глаза буквально на мгновение, чтобы дать им немного отдохнуть, и в этот миг услышал... нет, не звук. Ощущение. Будто я не один. Будто кто-то коснулся стекла. Крик чайки заставил открыть глаза. Я поднял взгляд. Окно. Третье от камина. За ним внизу — уже сгущающиеся сумерки и последние отблески заката на камне скалы.

И силуэт. Молодой женщины. Или призрака. Ещё мину- ту назад она парила по ту сторону стекла, прижав ладонь. Но в мгновение рассеялась туманом. Отпечаток остался — чёткий, с очерченными пальцами, будто от конденсата, хотя воздух в комнате сух, а камин горит.

Приблизился. Стекло холодное. Отпечаток стёрся сам, без сквозняка. Приписываю явление переутомлению. Последние недели: переговоры с гильдией, письма из столицы, отцовские требования «быть внимательным». Разум ищет выход в образах. И всё же...

Невозможная гостья недоуменно и почти ошарашенно смотрела на меня. Призраки более равнодушны, как мне представлялось...

Я не мог разглядеть черт — лишь смутный овал лица, пряди волос, тронутые ветром. Но глаза... я клянусь, я видел её глаза. Серо-зелёные, как море вереска по ту сторону скалы. И отпечаток был слишком точным. Линии не совпадали с рисунком моей ладони, которую я приложил для сравнения. Будто кто-то другой оставил его извне. А там

— *высота трёх этажей. И никаких лестниц.*

Завтра уменьшу время работы при свечах. Если явление повторится — занесу в отдельный раздел.

Н. фон Э.

Я перечитала. Снова. И потом в третий раз, медленно, водя пальцем по строкам, как по карте. Разум отказывался подчиняться и верить в написанные строки. Руки немного дрожали, а буквы расплывались.

Он видел. Он видел меня. Не сон. Не галлюцинация. Не плод моего переутомления.

Он не ждал. И он не знал меня. Он просто зафиксировал факт. Как учёный. Как человек, у которого на повестке дня есть дела поважнее девушек, парящих по ту сторону окна.

Я поняла, что составила верное мнение о владельце моего дневника. Рациональный. Сдержанный до мозга костей. Надёжный.

В этот момент я отчётливо осознала: всё это было не просто сном. Я успокоилась. Я откуда-то знала, что мы с ним связаны. И я понимала, что такие сны не снятся просто так. Я чувствовала это кожей, покрытой мурашками. И моё путешествие обрело смысл. Я знала, что ещё каким-то образом вернусь в его время. Для того чтобы узнать, зачем всё это происходит. Затем чтобы помочь. Хотя я и не понимала, в чём. Но уже знала, что не смогу противиться этому. Это как будто было важнее всего.

Тишина вокруг будто обрела плотность. Медальон затеп-

лился у ключиц, как нагретый солнцем камень.

Но дневник... мне показалось, или страница под моей ладонью стала чуть теплее?

Я взяла ручку. Под его записью, на той же странице, вела:

14 сентября 2020.

Отпечаток оставлен левой рукой. Безымянный палец слегка длиннее. Стекло матовое от перепада температур. Если вы читаете это — проверьте, не совпадает ли дата с вашим сном. Я видела Вас. Я прилетела сквозь сон. Мне кажется, мы с Вами связаны, и я ещё вернусь.

Я закрыла дневник. И положила его перед собой ровно, как кладут инструмент перед работой. Напряжение, тяготившее меня, наконец стало отступать. Так бывает, когда сложное решение уже принято. Любопытство не ушло. Но тревога сменилась чётким пониманием: это не иллюзия. Это процесс. И он свершается во времени.

Я выключила свет. Легла. И впервые за день не боялась уснуть.

Глава 4. Светокамень.

Выходной дался мне нелегко. Эмма Николаевна, привыкшая к тому, что я ни разу в жизни ни под каким предлогом не покидала магазин, кроме недолгих поездок к Эду и пару раз к врачу, и обычно такая невозмутимая, нахмурилась. Но придиричиво оглядев меня с ног до головы и заметив круги под моими глазами, и, очевидно, смирившись с тем, что спорить бесполезно, лишь кивнула:

— Езжай. Морской воздух лечит лучше, чем я.

Она по доброте душевной, с материнской теплотой опекала меня во все мои недомогания и потому сейчас с заметной неохотой пошла мне навстречу, отпуская в «таком состоянии» в поездку.

Я загрузила в свой фургончик термос с чаём, небольшую дорожную сумку со сменной одеждой, контейнер с яблочным пирогом и свой неизменный, потёртый жизнью и временем рюкзак, в котором, помимо всевозможных полезных мелочей, в заднем отделении нашёл в дороге приют дневник Николаса на пару с блокнотом. Дорога до побережья заняла чуть больше четырёх часов, а по дороге, что тянулась вдоль моря, — часа полтора. Один раз я остановилась, чтобы перекусить и посетить дамскую комнату в магазинчике у заправки, и немного размять затёкшие ноги. Мои глаза в дороге подустали за стёклами очков и выглядели покрасневшими.

Море то приближалось, то пряталось за холмами, а потом внезапно город вышел из прибрежной дымки, словно вырос из-под земли или поднялся внезапно со дна морского.

Светокамень. Название звучало почти как обещание. Город лепился к подножию скалы, тесный, каменный, с узкими улочками, вымощенными белым известняком, отполированным веками шагов. Крыши из красной черепицы блестели на солнце, между домами тянулись тени кипарисов, воздух пах солью, жареным миндалём и старой пылью. Я припарковала фургончик у набережной и подняла голову. Особняк фон Эренбергов парил на вершине, белый и неприступный. То самое окно — третье от камина — ловило полуденный свет. Я сделала шаг вперёд. Потом свернула к старому зданию с выцветшей табличкой «Городской архив».

Пока не время. Сначала — история.

Внутри пахло бумагой, воском и временем. За деревянной стойкой сидел архивариус — седой, в потёртом жилете, с лупой на шее.

— Мне нужны дела семьи фон Эренберг, — сказала я. — 1847–1848 годы.

Он замер. Медленно снял лупу.

— Вы исследователь? Или журналист?

— Просто люблю истории, у меня небольшой книжный магазин, и я недавно наткнулась на упоминание этой семьи, и мне захотелось узнать о них больше, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Семейное любопытство.

Он вздохнул, будто соглашаясь с невидимым судьёй, и скрылся в полумраке стеллажей. Вернулся с толстой папкой в сером переплёте. Положил на стойку без звука.

— Здесь всё. Указы, рапорты, протоколы. Вырезки из газет и хроник. Тяжёлое чтение.

Я открыла. Первыми легли газетные вырезки. Заголовки, пожелтевшие и ломкие, оттеснённые старым готическим шрифтом:

«Обвинение в государственной измене: дом фон Эренберг под подозрением»

«Наследник рода пропал по дороге в столицу»

«Трагедия за трагедией: род угасает»

Руки похолодели. Я перевернула страницу. Официальные документы. Сухой, безэмоциональный канцелярит, за которым прятались уничтоженные жизни.

УКАЗ ВЫСШЕГО СОВЕТА 841

от 5 ноября 1847 года

«В связи с обнаружением документов, свидетельствующих о тайных переговорах графа Вильгельма фон Эренберга с мятежными кругами, а также о снабжении средствами вооружённого выступления в порту Светокамень, Совет постановляет: приостановить все привилегии рода, изъять имущество до выяснения обстоятельств, объявить наследника Николаса в розыск за пособничество.»

Я перечитала. Чернила выцвели, но печать на указе была слишком ровной, воск — неестественно ярким для 1847 го-

да. Фальшивка. Или подлог, сделанный профессионально.

Следом — рапорт дорожной стражи:

«18 ноября 1847. На перевале Ветреный Лог обнаружен каретный возок дома фон Эренберг. Кучер и охрана отсутствуют. В салоне: разорванные письма, чернильница, перстень с гербом, следы крови и борьбы. При деле в обшивке кареты найден конверт с бумагами, адресованными Государю. Содержимое: изъято Советом. Предполагается: намеренный съезд или похищение. Поиск результатов не дал. Конверт в дальнейшем к Его Величеству доставлен не был. Утерян в дороге.»

Он вёз доказательства. Неопровержимые. И его остановили на полпути.

Я глотнула воздух. Закрыла глаза. Когда открыла — передо мной была тюремная ведомость.

«12 февраля 1848. Граф Вильгельм фон Эренберг арестован в своём кабинете. Сопротивления не оказал. На вопросы отвечал односложно. 20 февраля 1848: отказ от пищи и лечения. Спрашивает: Где Николас? Где дети? 3 апреля 1848: скончался в камере. Ожидание суда прекращено.»

Он не боролся. Не пытался оправдаться. Потому что уже знал: семью стёрли. Мать — «внезапная лихорадка», похоронена без вскрытия и свидетелей на семейном кладбище. Сестра Элизабет, шестнадцать лет, — «несчастный случай в гавани». И маленький Адриан... Семь лет. Официально: «отправлен в закрытый пансион в столице». Неофициально, по-

меткой на полях от руки другого чиновника: *«Пропал в пути. Сопровождающие лица уволены без объяснения причин. Дело закрыто по высочайшему повелению.»*

Их убирали с дороги по одному. Тихо. Системно. Чтобы не вызвать бунт, а вызвать отчаяние. С какой дороги их пытались стереть? Кому они могли помешать настолько сильно?

Меня затрясло. Я вцепилась пальцами в край стола.

Я не смогу. Я не успею. Я не знаю как.

Что я могу сделать? У меня есть фургончик, книжный магазин и сны. А у них были враги, которые переписывали реальность чернилами и печатью.

Но дата... 18 ноября. И день, когда он увидел меня в окне — 14 сентября. За два месяца до того, как он выехал в столицу. Он был жив. Он ещё мог успеть.

Я начала фотографировать документы на свой старенький фотоаппарат, стараясь ничего не упустить.

Я закрыла папку. Встала. Ноги были ватными. А перед глазамиплыли белые круги от вспышки.

— Вы закончили? — голос архивариуса прозвучал из полумрака слишком резко и неожиданно.

Я вздрогнула.

— Да. Спасибо.

— Девушка, — тихо сказал он, когда я уже взялась за дверную ручку. — Иногда правда весит больше, чем ложь. Не несите её одна, если не готовы к тому, что она утянет вас

за собой.

Я кивнула. Не доверяя пересохшему горлу и будто бы очерстневшему голосу.

Улица встретила контрастом — жарким, ещё по-летнему, солнцем и гулом голосов. Город жил своей жизнью: торговцы перекрикивались, дети бегали между лавками будто зайчата, где-то играла напевно и грустно шарманка.

А я стояла у подножия скалы и не могла сделать шаг.

Особняк был открыт. Деревянная дверь приоткрыта. Табличка гласила: *«Дом-музей рода фон Эренберг. Вход свободный.»*

Я могла войти. Подняться по лестницам. Увидеть кабинет. Камин. Портрет над ним. Его сохранившиеся во времени вещи. Стены, в которых они жили. Зеркала, в которых отражались. Следы их жизней.

Но я знала: если я войду сюда сейчас, назад дороги не будет.

Я увижу не просто дом. Я увижу могилу.

Портрет над камином... я увижу их всех. Мать, отца, Элизабет, маленького Адриана. И его. Их глаза. Их лица. И пойму, что они уже мертвы. Все. До последнего. А я ничего не смогла сделать.

Неизбежность и осознание своей слабости сжали горло. Не за себя. За них. За Николаса, говорившего со мной со страниц дневника и ставшего мне, если не другом, то себе-седником. За то, что знание превратится в приговор, а не в

инструмент. За то, что я войду и ужаснусь тяжести прошлого, вместо того чтобы попытаться изменить его.

Я постояла ещё минуту. Пока с усилием не выровняла дыхание. Потом развернулась.

Не сейчас. Ещё не время.

Сначала я должна была убедиться. Что попытаюсь сделать всё, что смогу, для того чтобы предотвратить их гибель. Что мой сон — не эпитафия, а дверь, которая приведёт к надежде. Что я не настолько бесплотна в их времени. И что я, как и мой отпечаток на том стекле, смогу оставить свой след в их судьбе.

Гостиница «Причал» ютилась на краю старой набережной, выкрашенная в выцветший охристый цвет. Хозяйка, полная женщина с добрыми глазами, без лишних вопросов выдала ключ от комнаты на втором этаже, где окно смотрело прямо на залив.

Я поставила сумку на пол, а рюкзак на кровать. В дверь постучали. Хозяйка принесла мой ужин. Но аппетита не было.

Я выгрузила из недр рюкзака дневник. Положила его на тумбочку рядом с графином воды.

Сняла очки. Умылась. Подошла к окну.

За краем моря на горизонте медленно гасло солнце. Вода в заливе стала тёмно-синей, почти чёрной. Корабли у причалов казались огромными спящими птицами.

Я вернулась к кровати и села. Открыла дневник на стра-

нице с его записью от 14 сентября. Провела пальцем по строкам. Бумага была холодной. Внизу моя приписка к его записи. И линия, оставленная карандашом, — будто хотел подчеркнуть. Клянусь — этой линии раньше не было. В моей душе, где-то глубоко, шевельнулось что-то упрямое. Не надежда. Решимость.

Они хотели стереть их имя. Сделали это аккуратно, без шума. Но оставили одну лазейку: они не знали про меня.

Про сон, который не заканчивается пробуждением.

Про ладонь, помнящую холод стекла.

Про дорогу в столицу, где его ждал не обрыв, а засада.

Я взяла ручку. Открыла чистую страницу в своём блокноте. Начала выписывать даты, имена, номера указов. Составлять карту того, что было скрыто. Я потом сверю эти записи с фотографиями документов, что мне удалось сделать в архиве.

Когда закончила, легла в постель, пахнущую лавандой и морем. Закрыла глаза.

Впервые за день я не боялась уснуть. Я ждала сна.

Я уже чувствовала, куда меня поведёт ночь.

Глава 5. Шаг сквозь время.

Я не засыпала. Смежила веки и почувствовала уже знакомую вибрацию медальона в ямке у шеи. Я не провалилась в сон, как обычно. Я просто шагнула.

Это чувство невозможно описать словами, но тело запомнило его мгновенно. Будто стоишь на высокой ступени, с которой неудобно делать шаг из-за её высоты, балансируешь на краю, а потом — решаешься. Нога находит опору, вес переносится, и гравитация делает своё дело. Только вместо того, чтобы удариться о пол в номере гостиницы, я мягко, почти бесшумно ступила на светлый неровный камень брусчатки.

Запах лаванды от подушки ещё витал незримым облаком вокруг меня. Но его постепенно вытесняли другие густые, многогранные ароматы: морская соль, нагретый за день камень, конский навоз, дым от кухонных очагов и прелый илистый запах от водосточной канавы, тянущейся вдоль улочки, на которой я очутилась.

Я открыла глаза.

Вечерний Светокамень. 18 сентября.

Я знала эту дату не потому, что видела календарь, а потому что она пульсировала в воздухе, как электричество перед грозой. День, когда в архивных записях значилось: *«Неприятное происшествие с наследником на улице города. Чудом избежал гибели. Пьяный кучер в тот же вечер погиб при*

невыясненных обстоятельствах».

Я оглядела себя. На мне была не моя домашняя пижама, а пышное, длинное, в мелкую серо-зелёную клетку платье. Ткань повторяла мои движения, была приятной и тёплой на ощупь. Сверху — лёгкий, но тёплый шерстяной плащ серого цвета с глубоким капюшоном. Он плотно обнимал плечи, защищая от вечерней прохлады, что уже пробиралась по улочкам с причалов, крадущимися шагами.

Я стояла на узкой улочке, мощёной белым известняком, который уже начал впитывать сумерки. Улица плавно перетекала в большую площадь Святого Спиридона. В центре возвышалась ратуша с часами, окружённая небольшим ухоженным садом и изящной кованой оградой. Фонари ещё не зажгли, но небо было светлым, налитым последним золотом уходящего солнца.

Я сделала шаг. Второй. Ноги слушались. Тело чувствовало тяжесть гравитации, упругость мостовой под тонкой подошвой ботинок. Это не было прозрачным видением. Я была здесь. Почти полностью.

Проверяя свои ощущения, я подошла к открытой часовне у края площади. Внутри было тихо и прохладно. В центре, в каменной чаше на уровне моего живота, бил небольшой фонтан — источник чистой воды. Я приблизилась и, недоверчиво зачерпнув ладонями воду, жадно сделала глоток. Холодная, вкусная, с привкусом известняка. Вода не прошла сквозь меня. Она наполнила рот, скользнула по горлу, уто-

лив внезапную жажду.

Я вытерла губы тыльной стороной ладони и оглянулась.

Возле часовни стоял пожилой мужчина в шляпе. Он смотрел на меня. Не сквозь меня — а именно на меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на капюшоне, потом снова встретился с моими глазами. Он слегка нахмурился, очевидно моему излишне открытому любопытству, кивнул и прошёл мимо.

Я выдохнула. Меня видят. Я существую в этом времени.

Но не полностью. Я заметила, как воздух временами в радиусе полуметра от моей кожи слегка дрожал и преломлял свет, словно над раскалённым камнем в полдень. Едва уловимое марево, тихая рябь реальности, которая сообщала: *«Я противостоителенна здесь, инородна»*.

Я поправила капюшон, пряча лицо в тень, и вышла обратно на площадь.

В центре, под сенью вековых платанов, охраняя вход в ратушу, возвышался памятник Святому Спиридону. Бронзовый старец с посохом смотрел вдаль, на море. Вода в фонтане у его ног плескала успокаивающе, будто волны утихомиреной им по преданию стихии.

И тут я увидела его.

Николас.

Он шёл по диагонали площади торопливым, почти ровным и уверенным шагом человека, всегда имеющего цель. На нём не было шляпы — ветер, гулявший по простору пло-

щади, беззастенчиво трепал светлые кудри, закидывая их то в глаза, то откидывая на виски. Он был одет просто, но с безупречным вкусом: тёмный сюртук без лишнего декора, светлая рубашка с высоким воротом, брюки, плотно облегающие длинные ноги. В руке он крепко сжимал кожаную папку с бумагами, а другой рукой для удобства перехватил трость.

Сердце ёкнуло так сильно, что отдалось в висках.

Он был настоящим. Не карандашный набросок в дневнике, не размытый силуэт за стеклом. Живой. Дышащий. Немного уставший.

Я дёрнулась, но не побежала к нему. Инстинкт кричал: *«Окликни его! Останови! Расскажи о том, что грядёт!»* Но разум, холодной и цепкой петлёй, сдержал первый порыв, рвущийся уже из горла.

Если я подойду сейчас и скажу: *«Я из будущего, вас всех убьют, так или иначе»*, — что он подумает? Что я сумасшедшая? И попытается сдать меня в дом умалишённых. Или подумает, что я шпионка? Или, что хуже, — он подумает, что это ловушка. Его рациональный ум, тот самый, что записывал в дневник про «отпечатки от конденсата» и «переутомление», не примет этот факт. Он не сможет поверить в меня, не переварив это. А времени, чтобы убедить его, у нас нет. У него есть дела. У него есть путь, который он должен пройти.

Но хотя бы сейчас я ненавязчиво проследую рядом. Пока я не могу выйти из тени и потому просто последую за ним на кромке между его миром и моим.

Я медленно двинулась следом, держась в стороне, у края сада. Николас свернул с площади в прилегающую улочку. Здесь было тише, тени от домов легли длинными полосами поперёк мостовой. Звуки площади — смех детей, стук колёс, голоса торговцев — остались позади.

Он шёл быстро по середине улицы, не оглядываясь. Я следовала почти вровень с ним, ускоряя шаг, стараясь поспевать за ним и при этом ступать уверенно. Будто спешу по своим делам, как и он. Мне это с трудом удавалось, ведь мой рост уступал ему значительно — моя макушка едва бы сровнялась с его плечом. Мой плащ мягко шуршал, и я, прижимая его полы к бёдрам, вытерла вспотевшие ладони о шерстяную ткань.

Впереди улочка сужалась. Слева возвышалась глухая стена склада, справа — ряд низких лавок с закрытыми ставнями.

Заботясь о том, чтобы не отстать от Николаса и не выдать себя, я не сразу услышала стук копыт.

Сначала тихий, далёкий. Потом — нарастающий, бешеный, неестественно быстрый для узкой городской улицы. Я отпустила нить внимания, приковавшую меня к Николасу, и оглянулась на шум копыт, доносящийся из неприглядного закоулка, прилегающего к улице, по которой мы шли. Николас как раз ступил на перекрёсток этих двух улиц. А я уже осознала, что что-то не так.

Из темноты переулка, врезаясь в свет заходящего солнца,

вылетел экипаж.

Чёрный, высокий, с закрытым верхом. Две лошади шли не шагом и не рысью — они неслись галопом, взбешённые, с пеной у рта, с диким ржанием. И кучера на облучке не было. Или он сидел, сторбившись, пытаюсь скрыться в тени и лишь подстёгивая взмыленных лошадей?

Экипаж нёсся прямо на Николаса, ступившего на перекрёсток и отвлекшегося на что-то впереди нас.

Он не слышал. Слишком сосредоточенный картиной, что наблюдал в глубине нашего пути. Шум его собственных мыслей, возможно, заглушал стук копыт по камню. До столкновения оставались считанные секунды. Три. Две.

Я не думала.

Тело рванулось вперёд раньше, чем мозг успел оценить опасность.

— Николас! — Крик сорвался с губ, громкий и хриплый.

Он дёрнулся и всем корпусом обернулся на звук, но было поздно. Лошади уже нависали над ним, вставшие на дыбы, огромные, чёрные, пахнущие потом и животным ужасом.

Но я уже влетела в пространство между ним и копытами. Благо я была миниатюрной. Не прошли даром и мои занятия бегом по утрам три раза в неделю. Даже тяжёлые юбки не помешали мне сделать этот рывок к цели. Больно и неуклюже ударившись плечом о его грудь, сбивая с ног, я выталкивала его в сторону. Его напряжённое, сгруппированное в попытке защититься, пружинистое тело отлетело к стене склада.

Он охнул, приземлившись на спину, бумаги из кожаной папки рассыпались по брусчатке белыми листьями. Сама я едва не упала на колени, чувствуя, как горячий воздух волной от лошадиных тел почти сбивает с ног.

Мгновение будто бы замерло. Время потянулось, как густой мёд.

Тишина. Только тяжёлое сопение лошадей, копыта, нависшие над моей головой и готовые обрушиться на неё в долю секунды, и стук моего сердца в ушах.

Я почти завалилась на бок, инстинктивно поднимая руки, чтобы прикрыть голову. Угроза, намеренная и смертельная, будто давила со всех сторон.

Николас сидел на брусчатке, откинувшись на локти. Его безупречный сюртук сбился на груди, а пуговица, оторванная мной при рывке, осталась в моём крепко сжатом кулаке. Но он был жив. Цел.

Он ошарашенно и неверяще, почти болезненно смотрел на меня.

Впервые не сквозь стекло. Не как на силуэт в сумерках. А прямо в глаза.

Его взгляд был полным дикого изумления и какого-то пугающего узнавания. Он видел моё лицо. Видел пепельные кудри, выбившиеся из пучка. Видел серо-зелёную клетку платья и разорванный край плаща, на который я наступила в рывке к нему. Видел ту самую девушку, чей отпечаток остался на стекле его кабинета.

Я видела, что он пытается что-то сказать, но голос, как и следовавший везде за ним холодный рассудок, покинули его.

Я хотела предупредить. Но успела лишь выдохнуть тихим, охрипшим шёпотом:

— Не верь никому! Береги семью.

И пропала. Время вернуло свою скоротечность. Копыта лошадей опустились на то место, где только что стояла я.

Но я уже была бесплотна здесь. Воздух вокруг меня сгустился. Дрожь стала сильнее. Марево исказило пространство, и я почувствовала, как реальность уже утянула меня во тьму перехода.

Резиновая лента моего времени, натянутая до предела, щёлкнула и выплюнула меня в кровать гостиницы, пахнущую лавандой и теперь лошадиным потом.

Тяжесть платья и корсета рассеялись и сменились лёгкостью моей пижамы. Медальон на груди затихал и остывал, резонируя с переходом. В руке я чувствовала металлический осколок времени Николаса. Резко сев в кровати с ещё кружащейся головой, я разжала кулак и увидела на ладони пуговицу с гербом фон Эренбергов.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.